

ГАРРИ ГАРРИСОН,
ДЖОН ХОЛМ

**Король
и император**

Санкт-Петербург

*Стамфорд,
март 875 года от Рождества Христова*

— Это же просто деревня! — раздавались возмущенные голоса. — Несколько хижин на обочине. Столица Севера, подумать только! Даже не столица болот. Никогда там ничего не было и не будет.

Обитатели Стамфорда, как немногие старожилы, так и гораздо более многочисленные пришельцы, с легкостью переносили насмешки соседей. Они могли себе это позволить. Не важно, какая у города собственная история, ведь он сделался главной резиденцией короля Севера, бывшего когда-то соправителем Англии, до этого ярлом, еще раньше — карлом великой армии, а в самом начале — чуть ли не трэллом в болотной деревне. Теперь его величают единым королем, к имени и титулу — король Шеф — его норманнские подданные добавляют эпитет *Sigrsaell*, а английские — *Sigesaelig*, что означает на обоих языках одно и то же: Победоносный. Этот король никогда не повторяет свои распоряжения дважды. Коль скоро он объявил, что столица будет в захудалом Стамфорде, значит так тому и быть.

После его легендарной победы над братьями Рагнарсонами в великой битве при Бретраборге в 868 году по христианскому летосчислению, последовавшей за его победой в поединке со шведским королем у священного дуба в Упсале, Шеф, единый король, стал сюзереном всех мелких властителей скандинавских племен — данов, све-

ев и норвежцев. Пополнив свой флот за счет вице-королей, среди которых самыми выдающимися были его боевые товарищи Гудмунд Свейский и Олаф Норвежский, Шеф с новыми силами вернулся в Британию. Там он не только восстановил власть над Восточной и Средней Англией, которые сами признали его господство, но и быстро внушил благоговейный трепет мелким правителям Нортумбрии и южных графств, а потом принудил к подчинению еще и шотландцев, пиктов и валлийцев. В 869 году король Шеф предпринял морскую экспедицию вокруг Британских островов, выйдя из лондонского порта и направившись на север вдоль английского и шотландского побережья, коршуном налетев на беззаботных пиратов Оркнейских и Шетландских островов и заставив их задуматься и устрашиться, а затем повернул на юг и снова на запад, пройдя сквозь бесчисленные острова шотландцев, вдоль разбойных западных берегов до самого Лендс-Энда. Только там он вновь встретил закон и порядок, убрал когти и поплыл на восток в сопровождении дружественных кораблей короля Альфреда, правителя западных саксов, и наконец вернулся в родную гавань.

С тех пор обитатели Стамфорда могут смело похвастаться тем, что дают приют королю, чья власть простирается от самого западного острова архипелага Силли до оконечности мыса Нордкап, на две тысячи миль к северо-востоку. Эта власть неоспорима и лишь номинально делится с королем Альфредом; границы его скудных владений король Шеф неизменно чтит, свято соблюдая договор о совместном правлении, который они заключили в годину бедствий, десять лет назад.

Но жители Стамфорда не смогли бы объяснить — да не особенно и задумывались над этим, — почему самый могущественный со времен Цезаря король Севера выбрал место для своего дома в болотах Средней Англии. Зато королевские советники много раз заговаривали с ним на

эту тему. Ты должен править из Уинчестера, говорили одни, натываясь на хмурый взор единственного монаршьего ока, — ведь Уинчестер остался столицей Альфреда на Юге. Править надо из Йорка, предлагали другие, пребывая под защитой крепостных стен, которые король сам когда-то взял приступом. Лондон, твердили третьи, долгое время находившийся в запустении, так как там не было ни короля, ни двора, а теперь ставший центром оживленной торговли со всем светом, от богатых пушниной северных краев до винодельческих земель Юга, набитый судами с хмелем, медом, зерном, кожами, салом, шерстью, железом, жерновами и уймай прочего добра; и все купцы платят пошлины представителям обеих королев — Шефа на северном берегу и Альфреда на южном. Нет, говорили многие приближенные к Шефу даны, править надо из древней цитадели королев Скъельдунгов, из Глетраборга, ведь там находится центр твоих владений.

Король не соглашался ни с кем. Будь это возможно, Шеф выбрал бы город в самом сердце болот, ведь он и сам был дитя болот. Но большую часть года до города Или, да и до Кембриджа, было попросту не добраться. В Стамфорде хотя бы проходила Великая северная дорога римлян, которую по приказу короля заново вымостили камнем. Именно здесь Шеф решил воздвигнуть Wisdom-hus, Дом Мудрости, который должен был увенчать дела его правления и стать новым святилищем Пути в Асгард: не просто заменить старое святилище в норвежском Каупанге, но превзойти и затмить его. Здесь будут собираться жрецы Пути, делиться своими открытиями и учиться сами.

Один из законов жрецов Пути гласил, что они должны сами зарабатывать себе на хлеб, а не жить на церковную десятину и подушную подать, как христианские попы. Тем не менее король назначил в святилище опытного казначея, бывшего христианского монаха отца Бонифа-

ция, и велел ссужать деньги всем нуждающимся жрецам Пути, с тем чтобы расплатились, когда смогут, работой, знаниями или звонкой монетой. Теперь со всего Севера стекались сюда люди Пути, чтобы увидеть, как мелется зерно на водяных и ветряных мельницах, и расходились по своим землям, научившись молотить, а также ковать железо с помощью падающих молотов и мехов постоянного дутья. Они узнавали, как применять новые машины там, где раньше пользовались лишь мускульной силой рабов. Отец Бонифаций, с разрешения короля, но без его ведома, нередко давал деньги таким посетителям, выторговывая себе долю в прибыли от новой мельницы или кузницы на срок в пять, десять и двадцать лет.

Серебро, которое текло в сундуки короля и в сундуки Пути, раньше привлекло бы десятки тысяч почуявших добычу викингов. Но теперь на Севере лишь изредка можно было увидеть бородастого пирата, да и то болтающегося на прибрежной виселице в назидание себе подобным. Королевские корабли патрулировали моря и подходы к гаваням, а несколько городов и фьордов, что остались за приверженцами прежнего обычая, один за другим подвергались визитам объединенного флота, в котором собрались силы слишком многих вице-королей, чтобы у кого-то возникло желание сопротивляться.

Жители Стамфорда не знали, да и не желали знать, что сама незначительность и безвестность их города была для короля лучшей рекомендацией. В конце концов тот признался своему старшему советнику Торвину, жрецу Тора, стоящему во главе святилища Пути:

— Торвин, место для новых знаний там, где нет древней истории и древних традиций, которым люди подражают и которые чтут, но которых не понимают. Я всегда говорил, что важно не только новое знание, но и старое, забытое всеми. Однако хуже всего старое знание, ставшее священным, не вызывающим сомнений, настолько обще-

известное, что о нем уже никто не задумывается. Мы начнем все сначала, ты и я, в таком месте, о котором никто не слышал. Там не будет витать дух чернил и пергамента!

— Не вижу ничего плохого в чернилах и пергаменте, — возразил жрец. — Особенно из телячьих кож. У Пути есть собственные книги древних сказаний. Даже твой железных дел мастер Удд научился записывать свои открытия.

Король нахмурился, подбирая слова:

— Я ничего не имею против книг и письма как ремесла. Но люди, которые учатся только по книгам, приходят к убеждению, что в мире ничего больше нет. Они делают себе из книг библию, и таким вот образом старые знания превращаются в устаревшие мифы. Мне нужны новые знания или старые, но позабытые. Поэтому в Стамфорде, в Доме Мудрости, мы возьмем за правило: любой, будь то мужчина или женщина, человек Пути или христианин, любой, кто сообщит нам новое знание или покажет, как с пользой применить старое, получит награду бóльшую, чем за долгие годы добросовестного труда или за многие грабежи с викингами. Мне больше не нужны громилы Рагнарссонов. Пусть люди проявят свою доблесть по-другому!

В 875 году от Рождества Христова — а хронисты Пути, хоть и отвергли христианского Бога, придерживались христианского летосчисления — столицу построили, и политика Шефа стала приносить свои плоды: иногда сладкие, а иногда горькие.

ГЛАВА 1

Высоко в небе белели маленькие облака, гонимые сильным юго-западным ветром. Их тени скользили по свежей ярко-зеленой траве, по жирно-коричневым пятнам пахотной земли, по спинам тяжеловозов, неторопливо тянущих плуги по весенним полям. В просветах сияло горячее солнце — его заждалась пробудившаяся от зимней спячки Англия. Многие верили, что долгая ночь миновала, и приветствовали новый день, новый расцвет при молодом короле и его еретическом, но благотворном правлении.

На рыночной площади Стамфорда толпилось не меньше двух тысяч человек, собравшихся с окрестных полей, чтобы поглазеть на обещанную невидаль. Таны и керлы явились с женами и детьми; они откидывали капюшоны, подставляя лица солнцу; иные с опаской — не хлынет ли дождь — снимали свои грубые накидки. На простецких, невыразительных лицах светились удивление и даже восторг. Ведь нынче этим людям предстояло увидеть удалца, с которым не могли бы сравниться ни Ивар Бескостный, ни его брат Сигурд Змеинный Глаз.

Сегодня человек должен был прыгнуть с высокой башни Дома Мудрости. И взлететь!

По крайней мере, так говорили. Всей толпе посчастливится лицезреть этот полет: будет о чем рассказывать детям и внукам. Но с неменьшей радостью зеваки посмот-

рят и на падение храбреца. Подкрепляясь хлебом и кровяной колбасой, все с одинаковым интересом ожидали любого исхода.

Пение рожков заставило зрителей разбрестись по обе стороны площади, освободив дорогу для вышедших из дворца гостей короля и свиты. Во главе, сразу за отрядом силачей, неистово дующих в сохранившиеся с незапамятных времен гигантские рога зубров, с нарочитой церемонностью выступали два короля — Шеф и Альфред Саксонский. Те, кто не видел их прежде, смотрели на разительно контрастирующие фигуры и замирали в недоумении: кто же из двоих полновластный монарх, а кого только терпят в качестве соправителя, — пока более осведомленный сосед не шептал на ухо подсказку. И действительно, Альфред в своих царственных одеждах выглядел как настоящий монарх: алый плащ поверх небесно-голубой котты, золотой венец на светлых волосах, левая рука величаво возложена на золотую рукоять старинного меча.

Идущий рядом с ним человек тоже носил алые цвета, а его плащ был соткан из такой тонкой шерсти, что казался не менее мягким снаружи, чем со стороны роскошной шелковой подкладки. Но под плащом были простые сермяжные штаны и рубаха. Король шел без меча и вообще без оружия, он вышагивал, заткнув большие пальцы за пояс, словно возвращающийся с поля крестьянин. И все же при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это вполне мог быть тот самый человек, которого северяне величали Убийцей Ивара и Убийцей Сигурда, потому что он собственными руками прикончил двух сыновей Рагнара Мохнатые Штаны — Ивара Бескостного и Сигурда Змеиный Глаз, равно как и свейского короля Кьяллака Сильного. А еще разбил под Гастингсом Карла Лысого с его франкскими копейщиками в год Господа нашего 866-й.

Возраст короля приближался к тридцати годам, и он сохранил телосложение кузнеца-оружейника: широкие плечи, могучие руки, длинные ноги и такая узкая талия, что мог бы померяться с женой — будь он женат. Но выглядел король намного старше своих лет. В черных волосах поблескивала седина, особенно заметная на висках и в короткой стриженной бороде. Правую глазницу закрывала черная повязка, а не прикрытая ею плоть была сморщенной и иссохшей. Лоб бороздили морщины. Это были следы затаенной боли, а может, и раскаяния. Поговаривали, что Шеф вышел из схватки с последними Рагнарссонами один-одинешенек, заплатив за победу потерей всех своих друзей. Злые языки заявляли, что его удача осталась на поле битвы, где лежали его мертвые товарищи. Другие, более информированные, утверждали: его удача так велика, что притягивает к себе чужое везенье, и он приносит смерть всем, кто оказывается слишком близко.

Как бы там ни было, король ничем не подчеркивал своего положения и богатства. Он не носил ни короны, ни дорогих украшений, не нуждался в искусных ювелирах. Правда, на руках выше локтей висело с десяток золотых браслетов, незамысловатых и грубо обработанных — видимо, не для показухи, а в качестве своеобразных денег.

Вместе с королями шествовали их приближенные: камергеры, телохранители, оруженосец Шефа, норманнские вице-короли, английские олдермены, стремящиеся находиться поближе к власти. По пятам за Шефом размашистым шагом шел человек, вызвавший уважительный шепоток среди деревенских жителей, — ростом под семь футов и такой сильный, что может запросто швырнуть предмет в двадцать, даже в двадцать пять стоунов весом.

Его голова и плечи возвышались над всеми людьми, кроме разве что самых могучих телохранителей из отборного королевского отряда. Это был викинг Бранд, носящий ныне титул богатыря всей Норвегии, а не только

его родного Холугаланда. Уже и до английской глубинки дошли передаваемые шепотом слухи о том, что он родственник горных троллей и свойственник марбендиллов из морской бездны. Лишь немногие знали, что на самом деле произошло, когда за королем шла охота по всему Северу, а расспрашивать мало кто осмеливался.

— Но где же человек, который должен лететь? — взволнованно допытывался сельский житель у своего городского родственника. — Где человек, одетый птицей?

— Он уже в Доме Мудрости со жрецами, — отвечал городской всезнайка. — Боится, что его одежду из птичьих перьев помнут в давке. Идем за королями, и ты сам все увидишь.

Толпа сомкнулась и проследовала за процессией по заново вымощенной Великой Северной дороге. Но люди шли не к городским стенам, которых в Стамфорде попросту не было, так как его линия обороны проходила далеко в море, где стояли военные корабли с катапультами, разгромившие в свое время и викингов, и франков. Зрители направлялись к деревянным хижинам простого люда, за которыми на лугу раскинулось огромное каре барачных, мастерских, кузниц, конюшен и складов, которые и представляли собой английское святилище Пути, осененное высокими крыльями ветряных мельниц. В центре возвышалась построенная по приказу Шефа каменная башня, затмевавшая все сооружения христианских королей: шестьдесят футов в высоту и сорок в ширину. А ее каменные блоки были так массивны, что окрестные керлы даже не верили, будто бы их поднимали обычные люди с помощью талей и противовесов, и рассказывали страшные сказки о заколдованных демонах.

Короли и свита прошли в высокую, обитую железом дверь. А сгрудившиеся зеваки раздалились и встали в предписанный для них полукруг.

Поднявшись по лестнице, Шеф впервые обогнал своего сопровителя и подошел к зубцам башни. Торвин уже ждал его, одетый, как всегда, в простые, но безупречно чистые белые одежды. На шее жреца Пути висел серебряный молоточек — как знак посвящения Тору, а за пояс был заткнут настоящий молоток с двумя бойками, свидетельствуя о ремесле своего хозяина. Позади Торвина, в окружении других жрецов, стоял человек, который собирался лететь.

Шеф задумчиво приблизился к нему. На мужчине была одежда из простой домотканой шерсти, но не обычные рубаха и штаны, а нечто облегающее, словно выкроенное и сшитое из одного куска. Этот наряд почти скрывала накидка. По-прежнему молча, Шеф пригляделся. Тысячи и тысячи перьев, не просто воткнутых в шерстяную или льняную ткань, а прочно пришитых стволom к стволу. Накидка была жилками привязана к запястьям и лодыжкам, крепилась также к телу по линии плеч и вдоль позвоночника, однако свободно свисала по бокам.

Человек-птица, встретив взгляд короля, вдруг широко раскинул руки и расставил ноги. Накидка приняла форму не то паутины, не то паруса. Шеф кивнул, уловив замысел.

— Откуда ты?

Человек-птица отвесил поклон Альфреду, стоявшему на шаг позади Шефа.

— Из земель короля Альфреда, мой государь. Из Уилтшира.

Шеф воздержался от вопроса, почему человек явился к нему из другого королевства. Только один король платил серебром за новые знания, да так щедро, что изобретатели тянулись к нему из всех северных стран.

— Как у тебя появилась такая мысль?

Человек-птица выпрямился, словно приготовил свою речь заранее.

— При рождении, государь, я был крещен. Но уже много лет назад узнал об учении Пути. Я услышал историю о великом кузнеце Вёлунде Мудром и решил, что если Вёлунд смог подняться в воздух и улететь от врагов, то и у меня это получится. С тех пор я не жалел усилий, чтобы изготовить такое оперение; это последний образец из многих перепробованных мною. Ведь в сказании о Вёлунде говорится: «Смейся, наверх он взмыл, полетел в одеянье из перьев». А я верю, что слова богов правдивы — правдивее, чем сказки христиан. Взгляни, я сделал себе амулет в знак моего предназначения.

С этими словами человек очень осторожно показал пару серебряных крыльев, висевших на шейной цепочке.

В ответ на это Шеф вытащил из-за пазухи свой амулет — лесенку с одной тетивой вместо двух, краки, знак его небесного покровителя, а возможно, и отца, малоизвестного бога Рига.

— До сих пор никто не носил крыльев Вёлунда, — заметил он, обращаясь к жрецу Торвину.

— И очень немногие носят лесенку Рига.

Шеф кивнул:

— Успех многое меняет. Но скажи-ка мне, человек Вёлунда, что, кроме сказания, заставляет тебя верить, будто ты сможешь полететь?

Крылатый человек, казалось, удивился:

— Разве не очевидно, государь? Птицы летают. У птиц есть перья. Будь у людей перья, и они бы летали.

— А почему же они не сделали этого раньше?

— У них не было моей веры.

Шеф снова кивнул и неожиданно вспрыгнул на башенный зубец, застыв на узкой полоске камня. Телохранители обеспокоенно дернулись в его сторону, но путь им преградил великан Бранд.

— Полегче, полегче, — проворчал тот. — Король не из Холугаланда, но он все-таки немножко моряк. В ясный день не свалится с ровного места.

Шеф посмотрел вниз и увидел две тысячи запрокинутых лиц.

— Назад! — крикнул он, разводя руки. — Отойдите. Дайте ему место.

— Думаешь, я упаду? — спросил человек-птица. — Хочешь испытать мою веру?

Взгляд Шефа скользнул мимо него, отыскивая в толпе среди поднявшихся на башню жену Альфреда, леди Уэссекс. Подруга детства Шефа и его первая любовь, Годива оставила его ради человека, в котором было больше доброты. Ради того, кто не стремился использовать других людей в своих целях. Она смотрела с укоризной.

Шеф отвел взгляд и взял человека-птицу за плечо, стараясь не смять перьев.

— Все нет, — ответил он. — Но если они не отойдут от башни, им будет плохо видно. Я хочу, чтобы эти люди могли рассказать своим детям и внукам кое-что интересное, а не только оправдываться: «Он так быстро пролетел, что я ничего не заметил». Желаю тебе удачи.

Человек-птица гордо улыбнулся, осторожно шагнул на приступку, затем встал на краю рядом с Шефом. Толпа ахнула от изумления. Летун стоял, расправив наряд на сильном ветру, который дул сзади и прижимал перья к спине. «Этот парень считает, — подумал Шеф, — что накидка подобна парусу, что она понесет его, словно корабль, по ветру. Но что, если это вовсе не парус?» Человек-птица присел, собрался с духом и стремглав ринулся вперед, крикнув во весь голос:

— Веди меня, Вёлунд!

Его руки колотили по воздуху, а накидка волнами полоскалась над ним. Шефу пришлось отвести взгляд, а потом... Удар о камни — и со двора донесся дружный стон зрителей. Посмотрев вниз, король увидел тело, лежащее футами в пятнадцати от основания башни. К нему уже бежали люди Пути, жрецы Идун-Целительницы. Среди них Шеф узнал щуплую фигурку еще одного друга детства,